

DOI: 10.25629/НС.2025.05.18

УДК: 159.9

ВАК: 5.3.5. Социальная психология, политическая и экономическая психология

ОСОБЕННОСТИ СУБЪЕКТИВНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ БЕЖЕНЦЕВ

Козырев М.А., Константинов В.В.

Пензенский государственный университет

Аннотация

Актуальность исследования субъективного экономического благополучия беженцев обусловлена ростом миграционных потоков и необходимостью понимания уникальных вызовов, с которыми сталкиваются беженцы в процессе адаптации. Целью исследования является выявление взаимосвязей между субъективным экономическим благополучием и социально-психологическими факторами адаптированности беженцев. Гипотеза исследования заключается в том, что существуют особенности выраженности тенденций субъективного экономического благополучия беженцев в зависимости от их экономической субъектности и адаптивных стратегий. Методы исследования включают теоретический анализ литературы, стандартизированное психодиагностическое тестирование, математико-статистическую обработку данных и интерпретационные методы. Выборка исследования составила 396 беженцев (54% мужчин, 46% женщин) в возрасте $M=27,6$; $SD=4,5$. Результаты: выделены группы беженцев, различающиеся по стратегии адаптации (активная, пассивная, неадаптивная), установлены значимые статистические взаимосвязи между компонентами экономической субъектности (локус контроля, планирование, уверенность в себе, оптимизм) и субъективным экономическим благополучием в контексте вынужденной миграции. Показано, что финансовая депривация и низкая уверенность в себе существенно ухудшают адаптацию и снижают субъективное экономическое благополучие, а развитый локус контроля и активность способствуют более успешной интеграции. Впервые выявлен феномен, когда повышение объективного материального состояния у группы дезадаптированных беженцев сопровождается снижением социально-психологической адаптации.

Ключевые слова

экономическое сознание, благополучие, субъективное экономическое благополучие, экономическая субъектность, беженцы

Введение

Феномен субъективного экономического благополучия является научно разработанным и остается актуальным в условиях изменяющихся социально-политических и экономических реалий. Обсуждение феномена субъективного благополучия охватывает не только материальные аспекты и экономические показатели, но и эмоциональные и когнитивные оценки личности своего экономического положения. С 90-х годов XX века в зарубежных исследованиях ученые стали обращать внимание на взаимовлияние экономических и психологических показателей благопо-

лучия. Причем порой исследования поведенческих экономистов отмечали преобладание социально-психологических факторов над экономическими. Так в научной традиции сложилась кооперация экономических психологов и поведенческих экономистов, которые описывали традиционные экономические модели сквозь призму субъективных критериев благополучия.

Актуальность проведенного исследования субъективного экономического благополучия беженцев обусловлена следующими ключевыми факторами: во-первых, ростом числа миграционных потоков, вызванных конфликтами, экономико-политической и социально-экономической повесткой в ряде стран; во-вторых, необходимостью понимания уникальных вызовов, с которыми сталкиваются беженцы в процессе адаптации к новым условиям жизни, включая трудности с трудоустройством, доступом к социальным услугам и интеграцией в местные принимающие сообщества; в-третьих, важностью изучения влияния субъективного экономического благополучия на психоэмоциональное состояние беженцев, что может способствовать разработке более эффективных программ поддержки и помощи.

В научном теоретико-эмпирическом заделе по тематике субъективного экономического благополучия существует несколько объяснительных стратегий. Одна из траекторий анализа направлена на изучение взаимосвязей между объективными и субъективными детерминантами экономического благополучия. Тем самым экономические психологи пытаются установить факторы первостепенного влияния. К объективным детерминантам экономического благополучия относят уровень дохода, экономический статус, материальные условия жизни (G. Carol [1], S. Siti, L. Nelson, Y. Wong [2]; A.B. Шперлинг [3]), уровень образования и квалификации, статус занятости и стабильность работы, доступ к социальным программам (A.A. Salameh, S. Amin, M.H. Danish, N. Asghar, R.T. Naveed, M. Munir [4]), а также экономические индексы и стабильность экономики (общая экономическая ситуация в стране, уровень инфляции, безработицы и т.д.). Субъективные детерминанты ориентированы на самооценку своего финансового положения и уровня жизни (B.A. Хашенко [5, 6]), общую удовлетворенность жизнью, самооценку и восприятие своего социального положения в референтной или социальной группе, ценности и социальные установки (R.M. Shamionov [7]), наличие социальной поддержки со стороны и т.д.

Другой объяснительной стратегией является выделение внешних и внутренних детерминант экономического сознания. К внешним детерминантам относят факторы окружающей среды, которые влияют на экономическое сознание извне. Например, это могут быть социально-экономические факторы среды, влияющие на восприятие экономической реальности (R. Arrondo, A. Cárcaba, E. González [8]); культурные факторы среды, воздействующие на экономическое поведение и восприятие благосостояния; политические факторы среды, обуславливающие экономическое сознание граждан (S.H. Samsu, N. Lajuni, W.S. Yun [9]); государственная политика; механизмы регулирования и др. Внутренние детерминанты экономического сознания связаны с личными характеристиками индивидов и их внутренними процессами восприятия и оценки экономических явлений (Л.А. Бадриева [10], Ю.В. Честюнина, Е.В. Забелина [11]). К внутренним детерминантам относят представления и отношение к деньгам, успеху и благополучию (Т.И. Забродина, Ю.В. Рудаева [12]); содержание эмоционально-мотивационной сферы, обуславливающее финансовое поведение (С.К. Летягина [13]); личный опыт в управлении финансами или взаимодействии с экономическими системами, который влияет на уверенность в своих действиях; когнитивные схемы, помогающие интерпретировать экономическую информацию и принимать решения и др.

V. Reyes-García и др. [14] отмечают, что существует особая тенденция рассмотрения кросс-культурного вектора в исследовании субъективного экономического благополучия. Это связано с тем, что восприятие благосостояния и счастья может значительно варьироваться в зависимости от культурных, социальных и экономических контекстов. Исследования показывают, что в разных странах и культурах факторы, влияющие на субъективное благополучие, могут отличаться. Например, F.Casas, G. Monzález-Carrasco, X.Oriol [15] отмечают, что в некоторых культурах, социальных и возрастных группах акцент может делаться на материальные аспекты

жизни, такие как доход и уровень жизни, тогда как в других более важными могут быть социальные связи, семейные отношения и личные достижения. Кроме того, кросс-культурные исследования позволяют выявить универсальные и специфические для определенных культур аспекты благосостояния. Это может помочь в разработке более эффективных стратегий повышения качества жизни и благополучия людей в разных странах.

Актуальность постановки исследовательской проблемы изучения особенностей субъективного экономического благополучия беженцев обусловлена рядом противоречий:

Разработанные теоретические модели субъективного благополучия часто основываются на идеализированных условиях, которые могут не отражать реальные стороны жизни беженцев. Модели акцентируют внимание на материальных аспектах благосостояния, в то время как на практике эмоциональные и социально-психологические факторы играют гораздо большее значение для этой группы. В исследованиях часто используются объективные показатели для оценки благосостояния данной социальной категории. Однако на практике субъективные восприятия и личные оценки могут значительно отличаться от этих показателей. Беженцы могут иметь низкий доход, но при этом ощущать высокую степень удовлетворенности благодаря сложившейся системе поддержки в условиях успешной интеграции в новое принимающее сообщество. В исследованиях А.Мого-Егидо, М.Наварро, А.Санчес [16] акцентируется внимание на долгосрочных эффектах, тех детерминантах благополучия, которые в перспективе оказывают значительное влияние на благосостояние, таких как образование и стабильная работа. Однако часто краткосрочные вызовы и трудности адаптации временно снижают уровень их субъективного экономического благополучия, несмотря на наличие долгосрочных перспектив.

Проведенный обзор исследований детерминант субъективного экономического благополучия демонстрирует полярные основания анализа, включая объективные и субъективные аспекты, а также внешние и внутренние детерминанты. Однако в рамках этих исследований, преимущественно зарубежных, отсутствует глубокий анализ социально-психологических оснований субъективного экономического благополучия. Актуальность проведенного исследования определяется противоречиями: с одной стороны, существует значительное количество знаний о характеристиках субъективного благополучия личности, а с другой стороны, наблюдается дефицит современных исследований, сосредоточенных на субъективном экономическом благополучии беженцев, которые опирались бы на субъектность беженца, его адаптационные стратегии и индивидуально-психологические особенности. Вместе с тем существует необходимость профилактики субъективного неблагополучия беженцев и недостаточная изученность факторов, влияющих на их экономическую адаптацию и психологическое состояние в новых условиях. Это требует дальнейших исследований, направленных на выявление специфических рисков и разработку эффективных программ поддержки, учитывающих индивидуальные особенности и потребности различных групп беженцев. Особое внимание следует уделять развитию экономической субъектности, укреплению локуса контроля, формированию оптимизма и активной жизненной позиции, что способствует успешной интеграции и повышению качества жизни данной категории населения.

Методы

Исследование особенностей субъективного экономического благополучия беженцев требует применения различных методов психологического исследования: на первом этапе – разработка и операционализация понятия, обобщение имеющихся теоретических подходов к субъективному экономическому благополучию; на втором этапе – подбор стандартизированных и валидизированных средств для оценки исследуемых параметров; на третьем этапе – проведение стандартизированного психодиагностического исследования; на четвертом этапе – обработка, расчёт, обобщение и формализация полученных данных.

В качестве стандартизированных психодиагностических методик применялись:

– опросник «Субъективное экономическое благополучие» В.А. Хашенко, состоящий из одного интегрального индекса экономического благополучия и пяти частных индексов, отражающих уровень экономического оптимизма и уверенности, субъективной адекватности дохода запросам и потребностям личности, текущего благосостояния семьи, а также отражающий субъективные оценки материального положения семьи, финансовой депривированности, экономического беспокойства и тревожности;

– опросник «Уровень экономической субъектности» Т.Г. Хашенко, состоящий из шести шкал субъектности: локус контроля в экономическом пространстве жизнедеятельности, планирование, прогнозирование, структурирование жизнедеятельности в экономическом пространстве, рефлексивная установка по отношению к себе как субъекту экономических отношений, позитивное отношение к собственности и деньгам, установка на материальное самообеспечение и преобразующая активность;

– опросник «Личностная готовность к переменам» в адаптации Н.А. Бажановой и Г.Л. Бардьер, включающий следующие индивидуально-психологические и личностные качества: страстность, находчивость, оптимизм, смелость, предприимчивость, адаптивность, уверенность и толерантность к двусмысленности;

– опросник «Социально-психологическая адаптация» К. Роджерса и Р. Даймонда в адаптации А.К. Осницкого, включающий в себя следующие стратегии: адаптация, принятие других, интернальность, самовосприятие, эмоциональный комфорт и стремление к доминированию.

В выборку были включены беженцы, которые покинули Украину в результате конфликта и находятся в процессе адаптации в новой среде. Критериями включения в выборку были статус беженца, уровень владения русским языком как основным языком общения, что позволяло избежать языковых барьеров в процессе сбора данных. Валидизация и адаптация методик не были необходимы, так как исследуемая группа состояла из русскоязычных украинцев, обладающих схожим культурным и языковым контекстом. Это позволило использовать существующие методики без изменений. Для контроля социально-демографических и контекстуальных факторов проводился сбор данных о возрасте, поле, уровне образования, профессиональном статусе и времени пребывания в новой стране.

В исследовании приняли участие 396 человек (54% мужчин, 46% женщин) в возрасте $M=27,6$; $SD=4,5$, среди них жителей города – 76%, села – 24%; женаты/замужем 62,4%, с высшим образованием – 67%, со средним специальным – 33%. Время пребывания в стране от 6 месяцев до 1,5 лет. С целью доказательств выдвинутой гипотезы были использованы математико-статистические методы обработки данных: расчет средних, моды, стандартного отклонения, сравнительный анализ U критерий Манна-Уитни, корреляционный анализ Пирсона.

Результаты и их обсуждение

В результате расчета критерия Манна-Уитни были выделены три эмпирические группы беженцев по критерию адаптированности для последующего анализа результатов исследования субъективного экономического благополучия. Результаты исследования субъективного экономического благополучия беженцев позволили выделить три группы, основываясь на их адаптационных характеристиках и восприятии своего экономического положения. Процентное соотношение в этих группах: беженцы с активной адаптацией (48%), с пассивной адаптацией (33%) и не адаптирующиеся (19%).

Первая группа беженцев обладает характеристиками активной адаптации, демонстрирует положительное отношение к различным сторонам своего социального окружения, активно участвует в жизни общества, проявляет инициативу как в социальной, так и в трудовой сферах. Они отмечают высокий уровень удовлетворенности своим экономическим благополучием, что связано с их способностью налаживать контакты, находить работу и адаптироваться к новым условиям.

Вторая эмпирически выделенная группа характеризуется пассивной адаптацией. Беженцы из этой группы не проявляют инициативы и активности в социальной жизни. У них отсутствует положительное отношение к своему окружению, что приводит к низкому чувству собственной социальной значимости. Они часто испытывают трудности с поиском работы и интеграцией в новое общество, что негативно сказывается на их субъективном экономическом благополучии.

Третья группа – не адаптирующиеся беженцы. Они не принимают свою новую роль и не усваивают ролевые предписания и требования нового общества. Эти беженцы испытывают сильный стресс и тревогу из-за неопределенности своей ситуации, что негативно влияет на их субъективное экономическое благополучие. Они чувствуют себя потерянными и не способны наладить связи с окружающими, что усугубляет их положение и препятствует успешной интеграции.

Далее в рамках выделенных групп был проведен корреляционный анализ по методу Пирсона, определены границы критических значений по количеству испытуемых в исследуемых группах. Получены корреляционные взаимосвязи. В группе адаптированных беженцев были получены следующие результаты: установлена положительная корреляция между «интегральным индексом экономического благополучия» и шкалами уровня экономической субъектности, такими как «локус контроля» ($r=0,202$, при $p<0,05$) и «планирование» ($r=0,264$, при $p<0,01$). С возрастом уровень локуса контроля у беженцев возрастает, что способствует влиянию на свое экономическое положение и общее благополучие. Это ощущение контроля может способствовать более активному поиску возможностей трудоустройства и социальной интеграции. Беженцы, которые активно планируют свою жизнь, более целеустремленны и организованны в своих действиях, лучше адаптируются к новым условиям, ориентированы на поиск работы, построение социальных связей.

Существует значимая положительная корреляция между «субъективной адекватностью дохода» и такими качествами как «оптимизм» ($r=0,180$, при $p<0,05$) и «адаптивность» ($r=0,312$, при $p<0,001$). Беженцы, которые считают свои доходы адекватными для удовлетворения своих потребностей, чаще обладают оптимистичным взглядом на жизнь и высокой адаптивностью к изменениям. Оптимизм и склонность видеть возможности даже в сложных ситуациях, способствуют их финансовой устойчивости и быстрее восстанавливаться после неудач.

Результаты корреляционного анализа указывают на то, что с увеличением «текущего благосостояния семьи» наблюдается рост показателей, связанных с социально-психологической адаптацией. В частности, более высокое благосостояние связано с улучшением эмоционального комфорта ($r=0,242$) и большей готовностью принимать других людей ($r=0,210$), что подтверждается статистической значимостью ($p<0,01$). Это свидетельствует о том, что финансовая стабильность может способствовать развитию положительных адаптивных стратегий в социальной среде. Полученные результаты корреляционного анализа отражают несколько психологических закономерностей. Во-первых, рост финансовой стабильности может способствовать повышению уровня эмоционального комфорта, так как отсутствие финансовых забот позволяет людям сосредоточиться на своих переживаниях, межличностных отношениях. Во-вторых, благосостояние может влиять на адаптацию, так как люди с лучшими финансовыми условиями чаще открыты к взаимодействию с другими и более склонны к принятию различий, что способствует формированию поддерживающих социальных связей. Эти закономерности подчеркивают важность материального благополучия для психоэмоционального состояния и социальной интеграции индивидов.

Обратно пропорциональная корреляция наблюдается между финансовой «депривированностью» и «уровнем уверенности в себе» ($r=-0,198$, при $p<0,05$). Беженцы, испытывающие финансовую депривированность, чаще проявляют тревожность и низкую уверенность в своих силах. Положительная корреляция также была выявлена между «позитивным отношением к собственности и деньгам» и преобразующей «активностью» ($r=0,210$, при $p<0,01$). Это указывает на то, что беженцы с позитивным восприятием материальных ресурсов более активно стремятся изменить свои жизненные обстоятельства. Позитивное восприятие собственности, денег

способствует уверенности в своих действиях и готовности к риску, что, в свою очередь, стимулирует людей к активному поиску возможностей для улучшения своего положения. Социально-психологические эффекты здесь могут включать повышение мотивации, улучшение самооценки и развитие проактивного подхода к решению жизненных задач.

Результаты корреляционного анализа в группе пассивно адаптированных беженцев показывают, что более высокий «интегральный индекс экономического благополучия» связан с более выраженным уровнем экономической субъектности, что включает в себя «локус контроля в экономическом пространстве жизнедеятельности» и «планирование». Положительная корреляция с локусом контроля ($r=0,229$, при $p<0,01$) указывает на то, что беженцы, которые чувствуют себя более уверенно в своих экономических возможностях и считают, что могут влиять на свою финансовую ситуацию, имеют более высокие показатели благосостояния. Это может быть объяснено тем, что уверенность в своих силах способствует активному поиску возможностей и принятию решений, которые улучшают их финансовое положение. Корреляция с «планированием» ($r=0,200$, при $p<0,01$) свидетельствует о том, что с ростом экономического благополучия беженцы также склонны к более тщательному планированию своих финансовых действий. Это может быть связано с тем, что наличие ресурсов позволяет им ставить долгосрочные цели и разрабатывать стратегии для их достижения.

Получена обратно пропорциональная корреляционная взаимосвязь между «субъективной адекватностью дохода» и такими качествами как «оптимизм» ($r=-0,272$, при $p<0,01$) и «предприимчивость» ($r=-0,202$, при $p<0,05$). Беженцам с пассивной адаптацией считают свои доходы недостаточными для удовлетворения потребностей, чаще испытывают пессимистичный взгляд на жизнь и менее склонны к активным действиям по улучшению своей ситуации. Низкий уровень оптимизма может приводить к чувству безысходности и снижению мотивации к поиску новых возможностей, в то время как отсутствие предприимчивости может означать нежелание или неспособность принимать риски и инициировать изменения в своей жизни.

Корреляция между «финансовой депривированностью» и «уверенностью в себе» ($r=0,240$) указывает на то, что с увеличением финансовых трудностей уровень уверенности в себе у беженцев снижается. Это свидетельствует о закономерности, согласно которой финансовая нестабильность негативно влияет на психоэмоциональное состояние индивидов. Беженцы, испытывающие финансовую депривированность, чаще сталкиваются с тревогой и сомнениями в своих способностях, что может быть связано с постоянным стрессом и неопределенностью в их жизни. Низкая уверенность в себе затрудняет принятие активных решений и поиск возможностей для улучшения своей ситуации, что, в свою очередь, может препятствовать успешной адаптации к новым условиям.

Получена обратно пропорциональная корреляционная взаимосвязь между «позитивным отношением к собственности и деньгам» и преобразующей «активностью» ($r=-0,198$; при $p<0,05$): у пассивно адаптирующихся беженцев существует негативное восприятие материальных ресурсов, которое препятствует их стремлению к активным действиям по улучшению своей жизненной ситуации. Негативное восприятие финансовых ресурсов может вызывать у беженцев ощущение, что любые усилия по улучшению своей ситуации бесполезны. Это приводит к пассивному поведению, когда они не предпринимают активных шагов для изменения своего положения.

В группе дезадаптированных беженцев наблюдается значительная отрицательная корреляция между «интегральным индексом экономического благополучия» и шкалами уровня экономической субъектности: «структурирование жизнедеятельности в экономическом пространстве» ($r=-0,302$, при $p<0,05$), «планирование» ($r=-0,245$, при $p<0,05$) и «рефлексивная установка по отношению к себе как субъекту экономических отношений» ($r=-0,304$, при $p<0,01$). Низкий уровень экономического благополучия связан с недостаточной способностью структурировать свою жизнедеятельность и планировать действия. Это свидетельствует о том, что дезадаптированные беженцы испытывают трудности в управлении своими экономическими ресурсами, что усугубляет их финансовые проблемы. Полученные психологические эффекты описывают

тенденции к снижению уверенности в себе и ощущению безысходности, что препятствует активному участию в экономических отношениях и снижает уровень их адаптации.

Корреляционный анализ установил наличие значимой отрицательной связи между «субъективной адекватностью дохода» и такими качествами, как «оптимизм» ($r=-0,348$, при $p<0,01$) и «предприимчивость» ($r=-0,304$, при $p<0,01$). Неадаптированные беженцы часто не считают свои доходы адекватными, что приводит к снижению их готовности к изменениям и активным действиям. Это негативное восприятие финансовой ситуации может приводить к чувству безысходности и тревожности, что в свою очередь препятствует их готовности к изменениям и активным действиям по улучшению своей жизненной ситуации.

Установлена значимая отрицательная корреляция между «текущим благосостоянием семьи» и «социально-психологической адаптацией» ($r=-0,307$, при $p<0,01$). По мере увеличения текущего благосостояния семьи уровень социально-психологической адаптации беженцев снижается. Более высокое благосостояние может привести к увеличению стресса и давления, связанному с необходимостью поддерживать это состояние или соответствовать определенным социальным стандартам. Это может негативно сказаться на их способности адаптироваться к новым условиям.

Выводы

В результате проведенного исследования получены следующие результаты:

1. Эмпирически выделены три группы беженцев, различающиеся по стратегии адаптации (активная, пассивная, неадаптивная), и впервые продемонстрированы различия между ними по уровням субъективного экономического благополучия.

2. Установлены значимые статистические взаимосвязи между компонентами экономической субъектности (локус контроля, планирование, уверенность в себе, оптимизм) и субъективным экономическим благополучием в контексте вынужденной миграции. Показано, что финансовая депривация и низкая уверенность в себе существенно ухудшают адаптацию и снижают субъективное экономическое благополучие, а развитый локус контроля и активность способствуют более успешной интеграции.

3. Впервые выявлен феномен, когда повышение объективного материального состояния у группы дезадаптированных беженцев сопровождается снижением социально-психологической адаптации. Данные свидетельствуют о том, что материальные ресурсы не являются единственным или основным фактором успешной адаптации беженцев. Полученные результаты противоречат ожиданиям и требует дальнейшего изучения.

Проведенное исследование имеет ряд ограничений, которые могли повлиять на интерпретацию полученных результатов. В частности, авторами не был проведен анализ макроэкономических и институциональных факторов, способных оказывать различное влияние на субъективное восприятие экономического положения. Потенциал развития проблемы заключается в проведении лонгитюдных замеров, которые позволят отслеживать изменения в адаптации и восприятии экономического положения участников исследования на протяжении времени. Такие исследования помогут выявить динамику взаимосвязей между экономическими факторами и личностными, социально-психологическими характеристиками, а также оценить влияние различных внешних условий на процесс экономико-психологической адаптации. Кроме того, лонгитюдные замеры могут способствовать более глубокому пониманию долгосрочных тенденций и факторов, способствующих или препятствующих успешной интеграции беженцев в новую среду.

Библиография

1. Carol, G. Subjective Well-Being in Economics / Ed. M.D. Adler, M.Fleurbaey // *The Oxford Handbook of Well-Being and Public Policy*. Oxford Handbooks. 2016. Online edn. Oxford Academic. – 2016. – №2. DOI: 10.1093/oxfordhb/9780199325818.013.14.
2. Siti, S. Factors Influencing Subjective Economic Well-Being. International / S. Siti, L.Nelson, Y.Wong // *Journal of Academic Research in Economics and Management Sciences*. – 2023. – Vol. 12. – Issue 4. DOI: 10.6007/IJAREMS/v12-i4/18294.
3. Шперлинь, А.В. Роль уровня дохода и отношения к деньгам в детерминации субъективного экономического благополучия / А.В. Шперлинь // *Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Психология*. – 2014. – Т. 7. – № 1. – С. 58-67.
4. Salameh, A.A. Socio-economic determinants of subjective wellbeing toward Sustainable Development Goals: An insight from a developing country / A.A. Salameh, S. Amin, M.H. Danish, N. Asghar, R.T. Naveed, M. Munir // *Front. Psychol.* – 2022. – № 13:961400. – DOI: 10.3389/fpsyg.2022.961400.
5. Khashchenko, V.A. Subjective economic well-being and its measurement: constructing and validating a questionnaire / V.A. Khashchenko // *Experimental Psychology (Russia)*. – 2011. – Vol. 4, no. 1, pp. 106–127. (In Russ., abstr. in Engl.)
6. Хащенко, В.А. Социально-демографические детерминанты субъективного экономического благополучия / В.А. Хащенко // *Образование и саморазвитие*. – 2015. – № 3 (45). – С. 18-30.
7. Shamionov, R.M. The relationship of envy and characteristics of objective and subjective economic well-being / R.M. Shamionov // *Experimental Psychology (Russia)*. – 2019. – Vol. 12, №. 2. – pp. 87–97. DOI: 10.17759/expsy.2019120207.
8. Arrondo, R. Drivers of Subjective Well-Being Under Different Economic Scenarios / R. Arrondo, A. Cárcaba, E. González // *Frontiers. Psychology*. – 2021. – №12. – DOI: 10.3389/fpsyg.2021.696184.
9. Samsu, S.H. Factors Influencing Subjective Economic Well-Being / S.H. Samsu, N. Lajuni, W.S. Yun // *International journal of academic research in economics and management sciences*. – 2023. – Vol. 12. – №. 4. – pp. 462-472. – DOI: 10.6007/IJAREMS/v12-i4/18294.
10. Бадриева, Л.А. Проблема субъективного экономического благополучия в психологической науке / Л.А. Бадриева // *Современные гуманитарные исследования*. – 2022. – № 6 (109). – С. 17-18.
11. Честюнина, Ю.В. Взаимосвязь жизненных ценностей и субъективного экономического благополучия у молодежи / Ю.В. Честюнина, Е.В. Забелина // *Психологическое благополучие современного человека. Материалы Международной заочной научно-практической конференции. Уральский государственный педагогический университет. Отв. ред. С. А. Водяха*. 2018. – С. 399-404.
12. Забродина, Т.И. Особенности субъективного экономического благополучия пожилых людей / Т.И. Забродина, Ю.В. Рудаева // *Научные дискуссии в эпоху мировой нестабильности: пути совершенствования: материалы IV международной научно-практической конференции. Ростов-на-Дону, 2022*. – С. 230-231.
13. Летягина, С.К. Особенности субъективного экономического благополучия и ценностно-мотивационной структуры личности у студентов / С.К.Летягина // *Страховские Чтения*. – 2022. – № 30. – С. 169-174.
14. Reyes-García, V. Subjective wellbeing and income: Empirical patterns in the rural developing world / V. Reyes-García, R. Babigumira, A. Pyhälä, S. Wunder, F. Zorondo-Rodríguez, A. Angelsen // *Journal of Happiness Studies*. – 2016. – №17(2). P.773-791. – DOI: 10.1007/s10902-014-9608-2. PMID: 27642259; PMCID: PMC5023045.

15. Casas, F. Economic and Children's Subjective Well-Being Indicators at the National Level in 35 Countries / F. Casas, M. González-Carrasco, X. Oriol, et al. // *Child Ind Res.* – 2022. – №15. – pp. 1539–1563. DOI: 10.1007/s12187-022-09918-4.

16. Moro-Egido, A. Changes in Subjective Well-Being Over Time: Economic and Social Resources do Matte / A. Moro-Egido, M. Navarro, A. Sánchez // *Journal of Happiness Studies.* – 2022. – №23. DOI: 10.1007/s10902-021-00473-3.

Об авторах

Козырев Максим Александрович, аспирант кафедры общей психологии Пензенского государственного университета, Пенза, Россия, Psyog1989@yandex.ru

Константинов Всеволод Валентинович, доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой общей психологии Пензенского государственного университета, Пенза, Россия, ORCID: 0000-0002-1443-3195, konstantinov_vse@mail.ru

PECULIARITIES OF SUBJECTIVE ECONOMIC REFUGEES' SUBJECTIVE ECONOMIC WELL-BEING

Kozyrev M.A., Konstantinov V.V.
Penza State University

Abstract

The relevance of the study of subjective economic well-being of refugees is conditioned by the growth of migration flows and the need to understand the unique challenges refugees face in the process of adaptation. The purpose of the study is to identify the interrelationships between subjective economic well-being and socio-psychological factors of refugees' adaptation. The hypothesis of the study is that there are peculiarities in the expression of trends of refugees' subjective economic well-being depending on their economic subjectivity and adaptive strategies. The research methods include theoretical literature analysis, standardized psychodiagnostic testing, mathematical and statistical data processing and interpretive methods. The study sample consisted of 396 refugees (54% males, 46% females) aged $M=27.6$; $SD=4.5$. Results: refugee groups differing in adaptation strategy (active, passive, non-adaptive) were identified; significant statistical correlations between the components of economic subjectivity (locus of control, planning, self-confidence, optimism) and subjective economic well-being in the context of forced migration were established. It is shown that financial deprivation and low self-confidence significantly worsen adaptation and reduce subjective economic well-being, while a developed locus of control and activity contribute to more successful integration. For the first time the phenomenon when the increase of objective material well-being in the group of maladapted refugees is accompanied by a decrease in socio-psychological adaptation has been revealed.

Keywords

economic consciousness, well-being, subjective economic well-being, economic subjectivity, refugees